

И ни лживые ангелы, ни упыри
Не разделят вовек меня с ней,

Если светит луна, мне приносит она
Сны о ласковой Анабель Ли,
Если звезд бирюза – вижу радость в глазах
Дорогой моей Анабель Ли

И у кромки морской, где бушует прибой,
Обнимая ее, я лежу сам не свой
В том гробу из стекла, где любовь моя спит,
А волна, разбиваясь о камни, шумит.

“Літера Н.”
№ 1(10) — 2006
Миколаївський міський
журнал поезії

Редакція, видавці:
Михалко Скаліцкі,
Євген Проворний

Верстка М. Скаліцкі

Тексти можна надсила-
ти на адресу:
54020 Миколаїв-20,
а/с 97,
або е-поштою
mskal@yandex.ru
provorny@ukr.net

Видання некомерційне
Зареєстроване
20.12.2004 обласним
управлінням у справах
преси та інформації
Миколаївської ОДА
Реєстраційний номер:
МК 450

Виходить
один раз на два місяці

Віддруковано на ризо-
графі ТОВ “Ортен”:
м. Миколаїв,
п-кт Миру, 5

Схвалено до друку
15.03.2006

Наклад:
120 примірників

Зміст

Євгеній Проворний
Буси-до и буси-после
Анатолій Заводюк
ПРИДТЧА
Михалко Скаліцкі
Музічка, або ж
ПІСНЯ ПРО КОНЯ
Євгеній Уманов (Умка)
КРЕСТ
Виктор Селуков
ГАРРИ
Вика Петровна
ПРЕДЛОЖЕНИЯ
Сергій Зубець
Ще щось...
Аркадій Суров
МНЕ ТРИСТА ПЯТЬ
Євгеній Проворний
Четыре
Дарина Березіна
Ця остання межа...
Володимир Малишенко
По вулиці ходив...
Олег Головатий
БРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ
Ірина Фатянова
Нежными каплями буду стекать...
Эдгар Алан По
АНАБЕЛЬ ЛИ (с англійського)

Критика

Евгений Проворный

Буси-до и буси-после

С. Гаврилов. Самурай. — Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2005. — 172 стр., илл.

О мотивации

В 20-х, 30-х на Николаевщине большевики грабили православные церкви. Убивали священников. Ныне — факт доказанный, а не просто слухи. Главный герой книги Гаврилова Афанасий Бродский участвовал в этом со своим поделником Казимиром Шпильманом. Об этом рассказано в первой сюжетной линии. Во второй — о трудовых и прочих буднях наследников Бродского в наше время. Такой нехитрой историей автор хочет «... мотивировать профессиональных историков к написанию полноценной монографии на эту тему».

О писателе Суворове

Важно, по-моему, мотивировать не только историков, но и народ. Это хорошо получалось у Виктора Суворова. И он не претендовал на художественность. И его книги не обзывались «историческими детективами»

О канолах

В аннотации написано, что «Самурай» — «исторический детектив». Но детективный жанр имеет свои каноны: тайное убийство (преступление закона в общем случае), прежде всего, и расследование, цель которого — сделать тайное убийство явным. А убийства, совершаемые в «Самурае», изначально явны. Посему очень хотелось бы познакомиться с автором аннотации.

Подарите мне шум городской надоедливый,
Копоть труб заводских, серость старых домов,
От обычных вещей и до пафосных слов...
Все на свете — ведь вовсе я не привередлива»

3.10.05

Анабель Ли Эдгара Алана По

(Перевод с английского)

В королевстве одном, очень-очень давно,
Где по морю плывут корабли,
Расцветала и, радуясь жизни, жила
Распрекрасная Анабель Ли,
И желала, желала всем сердцем она,
Чтоб любить мы друг друга могли

А мы были детьми, что не ведали слез
В королевстве у края земли,
И любовь согревала зимою в мороз
Только нас вдвоем с Анабель Ли.
Но, увы, серафимы с далеких небес
Наши чувства понять не смогли.

И по этой нелепой причине давно,
В той стране, где живут короли,
Из-за тучи подул сильный ветер ночной,
Простудив мою Анабель Ли.
И явилась семья, чтобы нас разлучить,
Положив ее в гроб из стекла
В той стране, где мятежное море бурлит,
Где любовь так прекрасна была.

С неба злобные ангелы нас проклинали,
Позавидовав нашей любви,
И по этой причине
(А знает ее население приморской земли),
Сильный ветер подул из-за тучи вдали,
Простудив и убив мою Анабель Ли.

Только наша любовь была больше любви
Тех, кто опытней нас и мудрей

Когда водная дробь прекратила стучать по карнизам,
Сонный мир вдруг ожил, завертелся в пространстве страстей,
Он готов к предрешению судеб, он ждет новостей,
Потакать он собрался своим непристойным капризам.

Льется море воды со свинцовых небес неустанно,
Я промокла насквозь — ни одной на мне нитки сухой.
В пелене темных туч обескровленной рваною раной
Открывается вдруг мутный диск незнакомый, чужой.

Эта странность весны — затяжной надоедливый ливень.
Растекается черная тушь по немислимо-белым щекам...
Драгоценные капли смывают ту грязь, что мы все накопили,
Чтоб она никогда не вернулась уже в души к нам.

Одинокий прохожий, подняв высоко воротник,
Прошмыгнет в переулок, укроется в темном подьезде...
Мир уснет, убаюканный песней дождя, лишь на миг,
Чтоб проснуться и стать еще ярче, еще интересней...

В водной дымке плывет отражение неба,
Каплей крови унылое солнце рябит,
Этот день, словно многие, был или не был?
Быстрый времени бег, как мышьяк, ядовит...

Тени прошлого что-то мне шепчут отрывисто,
Отзывается болью им сердце в груди...
А закат над землей безразмерною вывеской
Заклинает: «Все дальше и дальше иди!»

Бесновалась душа, заточенная в склеп одиночества,
И по каплям пила горький слезный нектар:
«Мне теперь ни тюрьмы, ни свободы не хочется,
Только холода чистого белого в дар...

Подарите мне всю неохватную бездну небесную,
Чтобы горсть звездной пыли на память собрать,
И туманных холмов предзакатную гладь.
Хрупкость первого снега невинно-прелестную

Опять о канонах

С. Гаврилов не позиционирует себя профессиональным литератором. Таковым писателя позиционирует его окружение: авторы предисловий, аннотаций, издатели, журналисты.

Гаврилов, казалось бы, мог выступить против такого позиционирования...

О художественных идеях

Эх, хочется покритиковать автора за перегруженность текста как бы цитатами из архивных документов. За отсутствие художественных идей.

Ведь то, что чувствовал герой Гаврилова, еще в 20-х годах куда как интереснее (поэтичнее) описал харьковчанин Мыкола Хвильевый в «Я (Романтика)». Помните историю чекиста, которому предстояло расстрелять собственную мать-монашку? Чекист исполнил приговор.

Таким финалом Хвильевый морально-политическую идею превратил в художественную, то есть написал поэтическое произведение.

О мастерстве

В книге много ужасов, происходивших в нашем, теперь уже далёком, прошлом. Гаврилов, таким образом, оказывается неплохим историком, и даже больше историком, чем беллетристом. Когда же он рисует обычные житейские ситуации, то и тут виден умелец: «Они сидят на террасе летнего домика, и разговаривать им особенно не о чем. Вчера обо всем переговорили. Они не видели друг друга месяцев восемь и не соскучились...»

Иначе говоря, рассказывать истории Гаврилов умеет. Умеет ли он их создавать? Вот вопрос.

Об истории

В книге много упоминаний об исторических событиях, ранее не бывших достоянием широкой общественности. Так я узнал, в подвале какого дома в центре Николаева расстреливали людей, и в какой части города их закапывали. Узнал, что взорванный в 60-х храм, на месте Пушкинского кольца, похоронил под своими обломками живых прихожан...

О поэзии

Поэзия — это род художественного творчества. Предполагающего продуцирование (творческих!) художественных идей. Всё остальное — аналогии, ничего общего с творчеством не имеющие. Поэтому я всё время мучаюсь вопросом: памятники невинно убиенным — это поэзия или история? Если в книге Гаврилова дефицит поэзии, то, может, лучше бы написать ту самую «полноценную монографию на эту тему»?

*Літера Н.***Клуб журналу**

збирається **щосуботи** о 13.00 у 6-му філіалі центральної міської бібліотеки для дорослих (вул. Будионного, 33-Б).

Д
Е
Б
Ю
Т

Ирина Фатьянова

Нежными каплями буду стекать...

Нежными каплями буду стекать
По прозрачности кожи шелковой,
Вечером ветреным песни слагать,
Сыпать их в воздух осколками,

Буду тебе безраздельно отдана,
Буду свободна от уз,
В платье из бархата звезд, сотканном
Самой прекрасной из муз.

Шелестом лиственным, небом хрустальным,
Шепотом расскажу
О берегах и дорогах дальних,
Там, где одна брожу.

Я буду сниться тебе нескончаемо,
Чудиться в каждой прохожей,
Ты поищи меня страстно, отчаянно,
Может, найдешь, может...

Мы ведь еще и не виделись толком -
Только лишь в полусне,
Мне имена не важны нисколько,
Знать их не нужно мне.

Твердо уверена: встретимся скоро мы,
Свидимся пренебреженно.
Смело, легко, безоглядно, раскованно
Влюбимся. Самозабвенно.

«Если не человеком, то кем бы быть хотели»?
 Ответил, не задумываясь, —
 «Ветром»!
 Вот именно, ветром.
 И улыбнулся чему-то.
 17
 февраль.
 Черным фломастером,
 Обведенная дата
 На настенном календаре
 Окно распахнуто настезь.
 И никого.
 Только ветер,
 Ветер
 Ветер
 ВЕТЕР...

*Август 04г.— декабрь 05 г. (Николаев —
 Москва — Евпатория — Николаев).*

Поетичні тексти малих епічних форм

Анатолий Заводюк

ПРИДТЧА

Дабы не возникала и тень чего угодно не того, что надо и не надо, оговорюсь сразу: чёрте где-то это было, или могло быть, и чёрте когда-то, но жили-были, и там же и тогда же, мужики, имевшие только самый необходимейший минимум недостатков, чтоб не росли крылышки раньше времени. Нормальные такие представители, бок о бок со своими лучшими (это личное мнение автора, имеющего полное человеческое право заблуждаться, как и куда ему угодно) половинами человечества. Имели мужики среди себя и необходимый, для торможения безудержной гонки прогресса, процент лентяев, и какой-то процент разных работяг, чтоб делать еду, инструменты, удовольствия, выдумывать из головы полезные вещи и охранять от посягательств, признанное демократическим большинством голосов правильным, сложившееся хрупкое равновесие жизни продолжающих систем. И таланты там, у них, были разные выдающиеся, и подвижники, и живые примеры чего-то (немного), и герои (чуть больше, потому, что это, разовое, дело проще), и светочи разума, совершавшие иногда такие открытия, что закачаешься, и, даже, встречались, чуть не на каждом углу, кроме того, настоящие мужики! (Не верится?! Так это ж всё о эпохе, может, первого ледового периода... Никак не укладываются такие глупые сказки в вашей хорошенькой головке?.. Жаль, но с этим я ничего уже не могу поделать.)

А какие восхитительные женщины у них были! (Это-то принимается безоговорочно?) Поголовно все, писанные Лондоколом, Тефалью, Гарнье, Диролом и ещё кем-то, неотразимые красавицы, одна другой краше. (Откуда-то у меня сейчас взялось ощущение, что меня чуть занесло. Нет?) И все они, до единой, женщины эти, были жёны верные, как ненормальные, и все — хозяйшкы, каких поискать и в целом свете не найти. Когда нужно — беззаботные, когда нужно — слово умное, единственное, без малейшего ехидства, способные вовремя сказать. И каждая тёплой ладошкой уме-

ла успокоить, разрывающееся по поводу всякой чепухи, глупое мужское сердце, и, когда надо, не снисходя, а понимая, найти глупой, бедовой, раскаявшейся, непутёвой голове родного человека место у себя на груди... (Э-хе-хе... Может продаст кто недорого машину времени? Можно б/у... Но только, пожалуйста, очень недорого.)

Словом, царили там, и вокруг и около, красота, сплошная благодать, мир и покой, достаток и равновесие, и... (чёрт! — как же быстро, с непривычки, кончились простые и понятные слова)... и жизнь была там такая, что только жить и жить. И они все жили и жили, и всё время хорошо и хорошо, пока... (единственное, что прощает это противное слово: им иногда кончается и плохое).

Нет, ну, что проще и понятней?! «Согласен ли ты, простой мой современник, идти по жизни с этой достойной женщиной, тянуть домой всё, что может ей понадобится, и оберегать, и обеспечивать, и доставать, и так далее? «Угу» это — «да»? Прекрасно. Секретарь, перестань жевать перо у гуся, а так и запиши, как я сказал!.. А вы, прекрасная дама..., пардон, пардон, конечно — мадемуазель! Согласны ли вы стать хранительницей священного домашнего очага, окружить вот этого неотёсанного типа, безграничным терпением, теплом, лаской и заботой, и прочим, что требуется?.. Оробела, бедная, а по глазам вижу — тоже согласна. Объявляю вас мужем и женой!». Какая экономия эмоций при неизменно положительном сальдо естественного прироста народа в стране!

Смешно и грустно назвать причину разрушения этой прочной системы симбиоза, различающихся непринципиально, только полом, и, потому, примерно в одинаковой мере нуждающихся друг в друге, существ...

Ну, да — она, она самая. Вкралась романтическими бреднями в устоявшийся кухонный быт и начало всё налаженное сыпаться, трескаться и ломаться. Слезы, драмы по любому пустяку, требования вернуть загубленную жизнь, девичью фигуру и прочее к ней из комплекта не первой необходимости.

«Ты никогда мне даже цветка простого не подарил!»

— Действительно, — думали мужья, — никогда. Ну, если ей так надо...

И тащили назавтра же они домой кто календулу, кто каланхоэ, кто золотой ус, кто тую — пусть растут, мать их, раз так полагается.

«Вот и иди и целуйся со своей сотрудницей, хорошим работником и отличным специалистом, и разбей, жестокий, моё бедное сердце!»

— Да что ж это с ней?! — думали растерянные мужья, у которых, уже лет десять, пределом нарушения расписания семейной жизни

Тонет звон колокольных
В реве стадионов.
Недолго музыка играла...

И шептали за спиной
Да что ж, ему надо?
Что ж он мается-то?
В кино сниматься звали
Не пошел.
Ведь уже разрешают понемногу,
А дальше больше!
Наше дело правое, мы победим!
Ведь, как-то устраиваются другие
А он?
Пора и взрослеть
Не от мира сего, что и говорить.

17
февраль.
Черные буквы.
На странице отрывного календаря.

17
февраль.
Раннее утро,
Друзья спят вповалку.
Хмельные...

17
февраль.
Ночной звонок в Москву.
И в ответ на ее радостное щебетание
Только:
«Нюсенька, береги дитя».

17
февраль.
Окно распахнул.
Солнышко, солнышко
Где ж ты?
Стены вокруг.
Разве что,
на подоконник влезть...
Разве...
Вспомнилось вдруг, как на вопрос журналиста одного:

М-м-м-мы
Мы немы
Не мы?
А кто МЫ?

Господи!
Как голова болит
Писать не можешь
И не писать не можешь
Строки, как черви буравят
Серую почву мозга.
Скомканые черновики.
Прочь!
Прочь!
В огонь.
Все не то.
Вспомнилось,
Девочка одна, песни послушала
«страшно мне стало» — говорит.
Страшно!?
А держать все это в голове,
Плавить в доменной печи души.
День и ночь
День и ночь
Не страшно?
И отыграв очередной «квартирный»
На вопрос
«Саша, а новенькое, что-нибудь есть»?
Смущенно опускать глаза.
Не страшно?
Глядеть во след братьям по ОРУЖИЮ
Рванувшим на призывный звон рубЛЯ.
Понимать, как недалеко ты ушел
От того восторженного мальчика
С гитарой в замусоленном чехле
Что три года назад приехал покорять...
Не так далеко.
Восторженности поменьше стало
Да румянец во всю щеку
Болезненный.

стало распитие бутылочки пива в гараже в грустной компании таких же глав семейств.

«Милый, а ты мог бы вызвать за меня кого-нибудь на дуэль?»

— Конечно! — уже легко соглашался, разными преамбулами морально и к этому повороту дел подготовленный муж, и прикидывал кому б это, знакомому или незнакомому, быстренько набить морду, чтоб только она отвязалась и не мешала досмотреть футбол.

Последней каплей для многих стало требование (требование!) петь ей серенады и, хоть раз в неделю, возвращаться домой по верёвочной лестнице, которую она, по получении условленного сигнала (алая роза или пергамент с любовным посланием в стихах), будет ему с балкона спускать.

Добрые, партнёрские отношения и мир в семьях, оправдывались перед своими совестью мужики, пожалуй, стоят того, чтобы ради них малость покривить душой. Это ж всё не для себя, в конце концов!

Постепенно перестали мужики вздрагивать от заданного исподтишка вопроса, любит ли он её, как прежде. «Конечно!» — давался, практически без раздумий, моментальный ответ, да так давался, что даже и любой посторонний, при соответствующем моменту настрое, легко мог наяву увидеть, как вокруг счастливой супружеской пары опять увлечённо ткнут траектории фигур высшего пилотажа ангелочки, амурчики и прочая антинаучная чертовщина.

Незаметно доведённые любовным террором до потери достоинства, стали мужики идти и на постыдные хитрости, и проявлять унижительную изобретательность в создания личных фондов на случаи, например, внезапной годовщины свадьбы или наступления дня рождения её мамы. «Ты не забыл, любимый, что...», спрашивает между делом мужа, хорошо им уверенная в нём, жена. «Что ты!» — максимально честно (иначе просто нельзя!), отвечает муж и достаёт, стараясь ничем не скрипеть, из заначки купюрку. Забавно, что сумма, для сохранения и поддержания тёплых отношений, практически, не имеет значения. Ей важен заверенный в национальном банке документ, подтверждающий — помнит!

Стыдно сказать — целая индустрия из всей этой ерунды развилась.

Сейчас вот нажму кнопку, милая, и лапшой на твои нежные ушки, в смысле — для услады потребностей твоих трепетных чувств, в сладких голосах и текстах, подготовленных нашими же пронырливыми ребятами, тонны компакт-дисков, тошнотворной на любой вкус, лирики. Тебе хорошо, милая? Не слышу, значит — хорошо. Как же это хорошо, господи!

Измельчали мужики, ваша, барышни, правда. Перестали бороться, сдали свои открытые и честные позиции и стали приспособли-

ваться. И приспособились, и задурили вам головы мелкими внешними уступками, и зажили опять так, как хотели всегда.

Но все эти пылесосы, кухонные комбайны, горячая вода в любой трубе дома — мелочь, по большому счёту, и ерунда. Настоящим гениальным ходом было поздравлять женщин с тем, что они ими родились! Молодец, кто придумал. Просто молодец. Теперь и любой, извинит пусть меня, дурак помоеет посуду за собой, вытрет пыль, не поленится и сходит за чем-нибудь в магазин, и свободен на целый год!..

Кто это там сказал, что я против любви?! «Да отрежут лгуну его гнусный язык!» — будет и мой ответ, и сожмёт рефлекторно рука эфеса холодную сталь, и только чудо спасёт... А, это вы, мадам... Ну, разве ж можно, сударыня, судить так опрометчиво и беспощадно о человеке, который раз двадцать влюблялся до одурения и практически полной потери способности видеть реальные качества своих предметов!? Ведь только обретение нестойкой им... им... нестойкого иммунитета, к этому делу, вынудило меня последнее время прописаться в скучных списках зрителей телевизора... Но, если, вдруг...

А даже интересно: что бы я не отдал за неё? Хоть и прекрасно помню, какая это жуткая нервотрепка...

Давай я лучше отвечу.
Если кровь
Льет как с гуся беда
Как из раны вода
Побежит,
Прольется
Опять мимо кассы,
А классы останутся снова пусты
Мы с душою на ТЫ,
Обернулись не людскою массой,
Не увидев себя
В отражении ржавой воды.

Колокольчик звенит
Да сума все пуста
Не с умом
Не с ума
А затем, чтоб разжечь в печке пламя
Пробивая словами хотя бы на час полынью
Поднимая из грязи
Дырявое знамя.

Мы с тобой близнецы
Не только по звездам на небе
Я ношу твои волосы
Ты мой прокуренный смех
Бли-зне-цы.
Подтвердят бубенцы
Бли-зне-цы
И кольцо одно на двоих.

Я тебе спою,
Да и что я еще могу?
Спутай мне волос на память узлом
Кто я тебе?
Вопрос под ребром.
Я спою
Ведь если скажу, что люблю!
Значит сам в себя не поверю.
Молчи.
Любишь иль нет
Жизнью после, измеришь...

По плечу хлопают, кивают приветливо
 стакан подают
 улыбаются...
 А в глазах у них черный страх стоит
 Будто встретили зверя лютого
 На лесной тропе
 Не кричат не бежать
 Только Имя Имен прошептать и зажмуриться...
 Авось обойдет.
 Позабудется...
 Что обещано
 Не исполнится.

Тяжелы похмелия, на Руси
 Наждаком языка
 Шлифануть сожженные губы
 Эх воды бы испить
 Потушить больную утробу
 Эх, попить бы!
 Попить
 Пи-и-и-ть!
 Питер...
 Пиит.

Заходи,
 Кочегарка души
 Натоплена жарко.
 Гляди,
 На столе замечтался пожар-самовар
 Да сварена каша
 Из топора.
 Все, пора начинать,
 Раздавая слова
 Не нашим не нашим
 А всем.
 Сеять песню, чтоб истиной
 К сроку взошла.

Скажут друзья...
 Спросят друзья...
 Или так,

Михалко Скалицькі

МУЗІЧКА, або ж ПІСНЯ ПРО КОНЯ

Судили Савку Діденка. І засудили. Але.
 Про коня.

Той звично теліпався проспектом Героїв Сталінграда, тягнувши воза на гумовім ході, на якому містився величеський прямокутний бак з недоїдками із солдатської столовки, бо ж і бак тотой, і віз, і сам той кінь служили Вітчизні інвентарними номерами танкової частини. Кличали того Орликом, Буяном, або ж по масті — Гнідим, хоча попередній машталір, вільнонайманий Клим Зарезако, розмахуючись для стимуляції гнідкової ходи майже голим пужалном з кучим шматком дерматину на кінці, що він це діло чомусь-от обзивав “кнотом”, здоровим баритоном проказував-проспівував: “Гой! Конь мой ва-га-араной!” Орлик-Буян, що правда, залишався до тих стимуляцій, чи то пак “ін’єкцій” (Зарезако до найму по “господарській лінії” був літ зо тридцять служив Вітчизні санітаром десь на Байкалі), неодмінно байдужим. Мабуть же він тямив своєю конячою тямою, що поспішати машталіру однак нікуди, як, зрештою, і йому самому, а особливо по тому, як безіменну його сиву подругу віддали комусь селякові, взамін клячі, що її переїхав був якось своїм танком механік-водій на прізвище Уразумбеков (ще за советів те було). Відтоді й Орлик-Буян і візця його, машталір Зарезако Клим, добряче постаріли, за тієї лиш відміни, що Клим у своє небесне царство вже переставився, а Орлику-Буянові у своє ще доведеться, і того вже, як бачиться, ждати недовго.

Про того, хто поганя.

На тотім інвентарнім возу, поперед інвентарного того баку на “козликові” недавнечко ще сидів охломоном воїн Савка Діденко зо справжньою, хоча й самотуж виплетеною з ялової шкури гарапою. І того тягнув було гнідко Орлик-Буян, нітрохи тою гарапою не переймаючись, ба й не відаючи, для чого те причиндалле цей homo novus, прибутний, західняк і бандера взагалі брав до рук, влізаючи на воза. Мабуть вони там, на своїй Західній вже навіть не “проходять” Антошу Чехонте.

Воно звісно, що то за погонич, без добрячого поганяла? А ще трапиться йому кермувати котрим молодим, норовистим... Колись, давно, ой як давно те було, ще й гнідкову прабабу не виво-

локли були залізними гаками де на стерво, й ходила вона під совхозним бригадіром, то вже тотой мав гарапу справдешню, не гарапу — канчука. І вправлявся ним — брат ти мой! Бувало прабаба, молода тоді ще кобилиця Броня, візьме та й вибрикне якось по-неположеному. То бригадір — чоботи на йому чорні, юхтові, блищать, як котячі яйця; галіхве на йому з американського сукна: воловою шкурою вся срака обшита; мундір на йому в англійську діагональ, ковнір стоячий, на гаплик застебнутий; на голові шапка-кубанка, в руках ша... канчук той самий, з костяним руків'ям, різьбленим — бригадір і вусом не моргне, хіба скаже: “Канчучка захотелось!” І прабаба гнідкова Броня ураз як шовкова зробиться. А воїн Савка? Гарапа в руці для краси хіба малася. Чоботи, незнамо коли машені, галіхве, не галіхве, а обносок якийсь; кухвайка... Зате на погоні, хоча й вузенька, а — смужечка. Не дарма кажуть: “Хахол без лички, шо...” — ну, далі ви знаєте, дівчата. Воїн Савка. Маладой боєц, одне слово. І правильно опреділив його гавновозом старшина танкового батальону прапорщик Криленков, на прізвисько Бубна.

Про пра.

Дружбу з прапорщиком Бубною гнідко Орлик-Буян водив ще тоді, коли той служив Вітчизні простим бубенчиком у полковому оркестрику. Не раз, не два досвітки підбирав його, непридуманого, після якого весілля чи поминок, тоді ще легко й весело тягаючи свого інвентарного на інвентарному, які також були ще свіжі, новенькі, рипучі й лискучі, гостро пахнули кленом, гумою, салідолом, суриковою фарбою і ще бозна чим, і на горловині баку тоді ще була алюмінієва кришка од бидона, з прокладкою з чорної пористої гуми, і заціпка, і спокуса від солдатських недоїдків не дробила гарячих ніздрів гнідка, чи ніздрі усіх тих людей, що вони були стрічалися, все ж, обабіч проспекту під ту глупу пору, або, як молодий, тоді ще ефрейтор надстрокової служби, прапорщик Бубна, валялися де-небудь поряд тролейбусної зупинки “Миколаївський кораблебудівельний інститут”, позаяк було то улюблене ефрейторове-прапорщикове місце. Часом, правда, у своєму надлюдському потягові до казарми він заходив і далі, та частіше його вистачало хіба на те, щоб форсувати моста через річку Інгул, прочесати парк Перемоги й хоробро впасти там, де вже за якийсь час відзнаходили тіло Орлик-Буян, гнідко, та вільнонайманний Зарезако.

І Зарезако був тоді ще кавалер. Він, підбравши спершу Бубнового кашкета з кокардою, хватав попід пахви самого ефрейтора, обох укладав поряд на возу, а гнідко вже довозив їх до казарми. Коли ж на зупинці “МКІ” бубенчик не валялися, то багацько можна було дати за те, що на наступній (бо там ще була лава і над головою був дах) стріне Орлика-Буяна й машталіра Зарезаку

Щедро раздавая похвалы
И убеждая ехать в столицу.
Не могли вы знать,
Какой маятник качнули...
И через три года,
Закрыв дверь своей квартиры,
Бросив «Давай, Саня, заходи как-нибудь»,
Не почувствовали надвигающейся беды,
На роду знать, было ему написано...
Но мы в ответе за тех кого научили...

Дернулся вагон
Поехали...
За спиной Череповец, да газета «Коммунист» остались
Ох! Велика ты Россия
Да отступать некуда
Впереди Москва.

Москва, Москва
Корова красная
Многих манило вымя твое
Ядом сладостным сочащееся
Жадна ты до нового, неизведанного
В три горла жрать привыкла.
Возьмешь, оближешь да и бросишь наигравшись.
Из дома в дом
Зовут песни петь
Ну-ка, ну-ка
Что за Лихо к нам прикатило?
Хлопали, да смеялись невпопад
И... притихали
Будто заглянули внутрь себя
Да такое там увидели...
И жутко до дрожи и сладко
Рокенроль послушать шли
Будет вам, ужо..

И пошло-поехало
Завертелись колесики
Рокенроль... едри его...
Музыканты, артисты народные
Да бабы дородные
Поэты столичные

Олег Головатий

Бремя колокольчиков

Александр ...вич!
 Александр ...вич!
 Лохматая голова
 Появляется в проеме окна.
 Глотнул, обжигаясь
 Февральского воздуха.
 Солнышко, солнышко
 Где ж ты?
 Стены вокруг.
 Разве что,
 на подоконник влезть
 Скользко-то как...

Товарищ Троицкий
 Артемий... э-э-э-э-э
 Как вас по отчеству?
 А впрочем-то и рано еще
 Молоды вы,
 Господин столичный журналист
 Важно рассуждающий о рок-музыке
 В студии провинциального телевидения.
 Товарищ Троицкий,
 Не могли вы знать (да и кто мог?),
 Угадать в этом мальчике, с виду обычном рок-фане,
 расспрашивающем вас о Гребенщикове.
 В этом мальчике с лохматой головой и нелепым, железным
 зубом.

Угадать ПОЭТА!

Помните, как поморщились вы, когда он гитару взял?
 Кто тогда на гитаре не бренчал?
 А помните, как вздрогнули
 Будто по спине вожжами протянуло вас.
 «Время колокольчиков»,
 Удивленно приподняв брови слушали.
 Не могли вы знать,

піснею: “Ой, чий то кінь стоїть гризе гнuzдечку!..”, — а його кореш, старший матрос надстрокової служби Овсієнков супроводжуватиме його спів, щось награвлючи на баяні; або заведуть удвох: “Розпрягайте хлопці-коні...” І все тоте було б нічо’, усе було б добре, якби до голосу одного та слух другого. Тож така стріча діяла на гнідка й на візцю — куди там твоїй гарапі: на що вже вільно-найманій Зарезако вмів і по-простому виразитись, а й того стачало хіба поза чергою вколоти “ін’єкцію” підлеглому, без розлогих спогадів про Матір Божу чи Святих, і то був чи не єдиний випадок чинності Климового батога.

Про старшого матроса.

Кореш ефрейтора Бубни його заковиристої пісні про коня не знав, але відчував животом навіть, що в ній щось нібито не так. “Неправильно ти співаєш, — казав він на кореша. — На Кубані, як я там служив, співали не так.” “Ну, ну, — казав кореш, — ізобразі.” Старший матрос на те міг хіба одмовчатися. Зате по тому вже одвести душеньку канонічною: “Маруся-раз-два-три-чотири...” А на зауваження кореша, що дід того, Йосип Криленков, а родом він був, щоб ви знали, відси не далеко, з Красного, такого дивного приспіву наче б не знав, кореш одказував, що не дарма ж і йому вдалося-таки вивчитися грати на такому здоровезному бубні. “А ти, — казав тоді Бубна на кореша, — чи-но не брешеш. Де ж то тама, на Кубані, море?” “Не море, голова твоя садовая, — казав старший матрос. — Ріка! Секретна Кубанська Річкова Флотилія, знаєш? Козаки! Гвардейці!” “І ти там трубив у секретну трубу, — казав ефрейтор, — а як розсекретили, то тебе виперли сюди.” “Шо ти тямиш, — казав на те старший матрос. — Я секретчиком служив. Старшиною по Первій статі. А постраждав за любов, — і, рипнувши басами, перекиривляв класика: “Я был батальонный разведчик, а йон писаришка штабной...” Да-а. Вона приходилася сестрою нашого флотського писара, старшого мічмана Чупрінкова. Любою звали.”

Про любу старшини 1-ї статті.

Люба була лошицею тою ще: породистою, тонконогою, з круглими лицем, персами та стегнами. Не порівнюючи з братом, старшим мічманом, що йому од діда Карабашева — батька їхньої матері — дісталися у спадок гострі вилиці, пласкі груди й ноги колесом, не малося в ній жадного ганджу. І вдачі була, як і туга її коса, яка сягала нижче спини, — вогонь; та, попри те, що старшина 1-ї статті таки був знадив її, за віщо флотський писар самовільно понизив йому військове звання, лаштуючи папери для боязливого донжуана, коли той задумав комбінацію, як уникнути Афганістану, перекинувшись од секретчиків до музик, а з Кубані в рідний Миколаїв, — недотрога. І не лише вдалася тілом, душею, а й таланом Господь скарав: співала й танцювала в Кубанському

Народному Хорі. А як заведе, бувало, де в куцах чи в готельному номері “Чорноморець, матушка, чорноморець...” або “Коні мої, соловії, коні мої милі...” — то хоч її ложиною сечи, хоч подушкою рота затикай, так що, раз був старшина 1-ї статті свою любов ледь не задушив зовсім. Після чого й почалося.

Про єфрейтора. А потому про прапорщика.

Хай би єфрейтор Бубна йняв віру, хай би не йняв віри своєму корешу, старшому матросові Гласу, як прозивали того, в силу причини звісної, та ще через тую трубу, яку начальство записало якось, будити військових матросів та ні в чому не винне цивільне населення з будівель довкола частини, де тих перших призвичаювали до служби, — хоч і має голову велику, не конячого ума діло. Йому собі цокати асвальтовою. Єфрейторові ж нагулятися, заки молодий, та вбратися у глuzzi: закинути свого бубна, забути оркестрика, побувати де у світах, у яких Германія, та Монголія, та, нібито, у В'єтнамах і вернутися на родину хоча й тим же, хай навіть старішим, важнішим і в тілі, а тим же Бубною, зате прапорщиком. Не старшим, правда, бо до старшого йому чогось там не то не хватило, не то не хватало. Усе ж, як згодом роз'яснилося, і прапорщик — офіцер. А роз'яснилося просто.

Судили Савку Діденка, на прізвисько Музичка.

Клим Зарезако, Царство йому Небесне, був переставився, не дїждавшись навіть ні молодого поповнення, ні давнього їхнього з гнідком Орликом-Буяном клієнта, тепер уже прапорщика, Бубни. Тож із місяць гнідком правили якісь геть-зовсім випадкові людиці, навіть не вільно-наймані, а то й узагалі — баба. Врешті поповнення таки явилось. В особі тридцяти одного водія-механіка, дев'ятнадцяти командирів та одного Савки, котрий півроку був навмисне учився на зв'язківця, а доти прослужив у танкових військах цілий тиждень. І явився прапорщик старшиною танкового батальйону.

— Гражданская професія? — спитав у Савки, обмацуючи поглядом молодих бійців, шукаючи якого селяка, та, здається, визнайшовши.

— Музика, — Савка одказав.

— Ага, — сказав старшина Бубна. — Такого рогуля нам треба. Будь тобі паном возним.

— Гамновозним! — хтось сказав збоку.

Виявилося, що той хтось був “дедушкою” Української Армії з ремонтної роти. Бо увечері, власне, вночі вже, після команди “Отбой”, він і ще там двоє таких, лисих, не встаючи з ліжечок, зажадали: “Маестро! Музичку!”

І так, в один день, заробив Савка на голову собі дві служби. Вдень, правда, міг спати од пуза, але спозаранку носом покльовував, кажучи м'яко. І чоботи не мастив, і вдягався у — тьху! — у

Володимир Малишенко

По вулиці ходив...

По вулиці ходив багаторукий Шива,
І в перехожих смикав гаманці,
Його обличчям грала усмішка щаслива,
Очиці сяяли, а під очицями — синці,

Аж раптом вдарили куранти,
І вийшов той, хто Зевсом смів назватись,
Якби він відав чим закінчуються жарти,
То певно, що волів би не сміятись,

А так він гуляє втішений
У тіні плакучих шовковиць,
І за ним, реп'ягами обвішаний,
Йде понурий песиголовець,

Довкола гамірно і велелюдно,
До чорта франкенштейнів і дракул,
І на всіх їх дивився чудно
Вже ветхий, німий оракул,

Ніхто перед ним не ставав на коліна,
На площі лише німфи і діти Іліча,
Ходив між ними й Буратіно,
Продавав золотого ключа,

Час обдуває, наче вітер купину,
Епоха кліпала повіками-віками,
Старий Перун кульгав собі у далину,
На плечах ніс важкий мішок з книжками,

І була радість, і добра година,
Коли таки знайшлась людина.

Твердині і храми, прохромлені зоряним вістрям.
 Бо ти мені жало, що — шалом у жили і груди.
 Всього лише грудень. Півсвіту зсудомило кашлем.
 ...А я вже забула усе, що лиш можна забути.
 А я вже забула... Але — не повіриш...

Як... важко...

*...А в тоске, на смертном ложе
 Ты мечтал о Марке Бруте?..
 „Черный обелиск“*

ця туга — як тога
 мій брате мій бруте
 забута тривога —
 метеликом в горлі
 вітрильник канапи
 причалив у грудні
 до берега буднів
 ...ми нині — в бемолі...
 все буде як завше —
 а отже — холерно.
 ми станемо старші
 на кілька ілюзій
 ножем межі плечі —
 ця тиша сталева
 нам сняться дерева
 ми начебто друзі
 годинник захриплий
 від сну і застуди
 відлічує рипко
 хвилини до втоми
 пробач мені брате
 я більше не буду
 убий мене бруте
 й ходімо додому

казна що. Чи й умивався коли? А гнідко усе знай волочив на собі,
 чи то пак, на возі все ж... І так би й волочив, до скону вже, пев-
 не, якби одного досвітку не трапилися їм на звичному та забуто-
 му давно місці прапорщик Української Армії Криленков та кореш
 його, мічман Російського Флоту Овсієнков, з баяном; та не ревну-
 ли якби: “Засвистали козаченьки із Дону і Дучи!.. “ — а Музичка
 не перелякався зо свого хронічного напівсну та не ogrів одного й
 другого нагаєм: по нижчеспині одного, а другого по литках дістав;
 а в першого (в Бубни, себто) мундір і галіхве вціліли, а шинеля й
 шкура нижчеспини репнули; в другого (в кореша його, мічмана
 Гласа) флотські брюки так витримали, а на литках одбився паса-
 ман. — і тоді воно вже так і вияснилося, що обидвоє були —
 офіцери. І засудили воїна Савку. Але.

Про коня. Пісня.

Склав її у смертну свою годину (саме розпріг був Орлика-Буя-
 на, зібрався дати якої хоч соломи трухлії, притрушеної задля аро-
 мату колюхами, та, раптом, ноги йому підкосилися і він упав без
 тями в “сінникові”, а коли ще до тями раз дійшов, то заспівав, а
 по тому вже переставився) вільнонайманій Клим Зарезако. Осьо
 вона повністю:

Друг Степів — вороний Пожиратель Вівса
 Не довго й тобі волочити осталось Баржу Суходолу
 Між стійлом Залізних Коней та Будівлею
 Призри Кирзи для Гарматного М'яса
 З Шприцом Для Ін'екцій на Полу Баку.

А ви, дівчата, хто чули, кивайте головами, славте Кліма, бо ска-
 зано: хто пісні не втне — нікчемний воїн.

Евгений Уманов (Умка)

Крест

Из-за угла вышел худошавый патлатый парень. На небритом лице была то ли сажа, то ли въевшаяся грязь, а тело прикрывали лохмотья, которые в прошлом, видимо, были белого, а сейчас серогрязного цвета. Патлатый посмотрел на розовую стенку модного магазина и по его телу пробежала дрожь. “Как же так, всего на минуту отошел, а его уже и нет”, – парень пробежал пару секунд в одну сторону, потом возвращался на прежнее место, снова что-то бормотал, кидая взгляды на ту же розовую стенку, и заикаясь, спрашивал у прохожих:

– Вы не видели, крест здесь стоял, деревянный такой, большой? Нет? А вы? Не видели?

Прохожие шарахались от патлатого, называя его бомжем или никак не называя, но крутя пальцем у виска. Рядом с парнем оставилась необъятная бабка с большой соломенной сумкой в одной руке и внучкой в другой. Внучка, худое и бледное существо с красным портфелем за спиной толще самой спины, снизу смотрела на дородную бабку с крашеными волосами в дикий рыжий цвет и внимала каждому движению.

– Хулиганьё! – крикнула рыжая бабка на ухо парню и с чувством выполненного долга потащила внучку дальше по улице.

– Здесь крест стоял, большой такой, вы не видели? – обратился парень к двум работникам ОМОНа, проходившим мимо. Работники, которых было трудно отличить друг от друга, начали умелый и противный допрос:

– Крест?

– Твой крест?

– Мой, мой.

– Стоял, говоришь?

– Стоял, я минуты на три отошёл, по нужде за угол, вернулся, а его уже и нет.

– Вернулся уже нет... Кто ж те доктор, если ты его без присмотра оставляешь?

– Ну чо, заявление писать будем?

– Зачем заявление?

– Напишешь заявление о пропаже особо ценной вещи.

– Большой крест был?

Дарина Березіна

Ця остання межа...

Вчителю... Знову кривавить віконниці
Сонце осіннє.

Знову до шиби налякано горнутья
Зоряні тіні.

Знову дороги згубились неміряні
В сивім проваллі.

Тиша розтята загубленим іменем
З присмаком сталі.

Димом гірким захлинулося вогнище
На видноколі

Онде блукає жевринням холонучим
Зраджена доля,

Піде босоніж між тихим рутами
І полянами...

...Хочу долоні твоєї торкнутися –
Вічність між нами...

Ця остання межа межі світом і світлом – твоя.

Вітер гнатиме душу у спину як в'язня на страту.

Я вмиратиму мовчки, як вміють дерева вмирати,
Забуваючи все, пам'ятаючи лише ім'я.

Проведи мене в небо повз голос, суворий, як грім,
Відмоли мене в нього – не вмію ставати на прощу...

...Я холодні долоні в печалі твоїй прополощу,
І вернуся до тебе, як діти вертаються в дім.

...бо ти мені вічний, як вітер, що дихає в скроню...

Любов, безпросвітна, як втома – і майже пречиста...
Лягають сніги, і крихке огортає безсоння

Евгений Проворный

Письма на бумаге
Теперь
Не в моде.
Стопка новых конвертов пылится
Под клавиатурой.

Старость.
Уже нет упругости в ткани
Поношенных джинсов.
Одиноко свисает нитка
На правой брючине.

По-девичьи покорно
Лег на спину.
Радуется скрипению
Карандаша по нему
Лист бумаги.

Не важно,
Слышу ли я
Игру оркестра.
Я вижу, что смычки напоминают
Сабли.

— Два моих роста.
— Тем более: особо ценной и большой вещи. Из чего крест был сделан?

— Из дерева.

— Как из дерева? Это мы что, деревянный крест искать будем?!

— Ты, что панк, совсем одурел?!

В рации одного из служителей правопорядка раздалось неразборчивое шипение. Таким же неразборчивым шипением ОМОНовец ответил в рацию, и оба спортивной походкой зашагали от «панка».

— А вы не видели? — обратился патлатый к сутулому парню в кожаной куртке, спортивных штанах и синей кепке надвинутой на лоб.

— Опаньки, — поздоровался сутулый.

— Крест у меня тут стоял, я на минутку отошел, а его уже и нет!

— Креста нет?

— Нет.

— А мелочь есть?

— Нет...

— А если найду?

— Крест?

Сутулый напрягся и плюнул через щель между передними зубами.

— Тебя в детстве били?

— Нет.

— Ну и зачем тебе тогда крест?

— Я с ним живу, хожу.

— Ходишь? Куда?

— Да никуда, просто.

— Ну ты и овца, я тебе отвечаю! Нах тебе крест? Живи без него, легче будет!

— Не могу я без него, привык я.

— Ну на груди его накопи! Потому у тебя и мелочи нет, что крест тащишь!

“Ну ты и овца!” — донеслось от уходящего сутулого.

К патлатому приближался дородный поп, с пузом, крестом на пузе, в рясе и с тщательно расчесанной бородой.

— Батюшка, вы мой крест не видели? Я его у этого магазина оставил?

— Крест потерял? Нехорошо сын мой, вот мой крест всегда на мне висит и по нужде я с ним хожу тоже. Золото ведь! А народ знаешь кокой? — видимо, батюшка хотел сказать еще что-то, но причмокнул губами и пошел своей дорогой.

Через два часа с начала поиска креста патлатый захотел по нужде. Он снова зашел за угол и с выпученными глазами уставился на стенку. Облокотившись на обшарпанную, обосанную и потрескавшуюся стену с надписью «Цой жив», стоял...

Виктор Селуков

Н
Е
Б
Ю
Т

ГАРРИ

Уберечь себя от новых потрясений – вот задача из задач. Мой друг, мой единственный друг, Гарри помогает мне в этом, он всегда рядом, если мне нужна помощь. Он не подпускает меня больше к компьютеру: слишком опасно для меня. Да я и сам выбросил эту железную коробку. А Интернет? Ужаснейшее изобретение инопланетян направлено на получение влияния на сознания людей, но я и мой друг Гарри – не дураки. Никакая реклама не заставит нас запутаться в этой паутине коварных внеземных пауков. Сравнение неплохое, но Гарри говорит, что инопланетяне похожи на осьминогов. Или спрутов? А это не одно и тоже?

Их щупальца залезли к вам в головы, мои бедные собратья, жители одной общей Родины – планеты Земля. Мы с Гарри очень боимся за вас. Мы будем бороться! Гарри уже начал придумывать план. Он такой умный – ни в школе, ни во дворе нет такого человека, которым я мог бы восхищаться больше, чем моим лучшим и единственным другом. И не только из-за ума. Он такой веселый, и понимает меня с полуслова. Никто меня не понимает лучше его. Гарри говорит страшные вещи, но так уверен в себе, безбоязнен, что эта бесстрашность передается и мне. Бывает, когда его нет рядом, мне страшно, так страшно...

А роботы? Вы знаете, что они уже захватывают мир? Посмотрите вокруг! Гарри не боится их, он верит в человеческий ум, в человеческий гений, он верит во все то, что отличает Гомо Сапиенс от киборгов. Или не Гомо, а Кому Сапиенс?

Гарри просит не выдавать эти тайны. Даже родителям. Но так хочется! И я рассказываю. Они не верят мне. Или, делая вид, что не верят, на самом деле сотрудничают с Гарри? Не знаю...

Гарри говорит, что зубные врачи – помощники инопланетян. Конечно, я верю своему другу. И я так боюсь стоматологов. А зуб так болит. Скоро придется идти и добровольно позволить вставить в свой зуб инплантант спрутоподобных захватчиков, они смогут следить за мной и, может быть, даже контролировать меня. Как страшно... Но как больно! Придется идти.

Когда-то мама хотела познакомиться с Гарри. Она спрашивала,

Меня не предала, она бурлила
И корку шоколадную пробила.
И я, доживший до трехсот пяти годков,
Стал под любовь, как каторжник на плаху,

А шоколадный мир послал к монахам,
И прыгаю, и до сих пор не сдох!

VII

Мне триста пять. Я жив до потрохов,
До печени, до самых селезёнок.
Я, правда, не прозрачен и не звонок,
Я матов, но – краса полутонов,

Но ямочки, но трещинки, но сколы.
Да, я, конечно, не пацан весёлый,
Скорее уж – хохочущий остов.
Жизнь для меня припрятала смешное,

Мне триста пять, я не хочу покоя,
Подайте водки и перепелов!

Меня туда, за стёклышко, упрятать,
Чтоб я не умничал, а буду плакать,
Кричать, так он станцует “гопаков”
Передо мной, раз я не умираю.

Я злюсь и тихо миру повторяю:
“Под стёклышко?! Для дохлых мотыльков!”

IV

Мне триста пять. И Времени Гонцов
Я столько раз встречал, со счёту сбился.
Я, правда, этих гадов сторонился,
(Не прятался!), но их свирепых псов

Заслышав, враз скрывался в подворотне,
Тем более, что к каждой новой сотне,
Мой документ устраивал Послов,
Черезвычайных, менее и мене.

Я — вор, а за украденное время
Казнят. Я знаю этих пацанов.

V

Мне триста пять. Я — северных снегов
Заблудший сын. Кудрявая берёза,
Ель да сосна, да водочка с мороза —
Моя семья. Родимых очагов

Я не видал давненько — не заносит
Судьба на родину, а сердце песни просит,
И я пою про степь, про ямщиков
Да про мороз, и холод пробирает.

В седое небо песня ударяет,
Авось дойдёт до северных богов.

VI

Мне триста пять. Я потерял любовь,
Утратил, исчерпался, разбазарил,
Ковёр травы живой гудроном залил,
Гудрон застыл, как шоколад, но кровь

как он выглядит, сколько ему лет, где он живет. Я был в затруднении, и мне было смешно. Как странно, эти вопросы никогда не приходили мне в голову. С другой стороны, разве это важно? Сквозь смех я выдавил, что не знаю, и мама с усмешкой укоризненно покачала головой.

Потом, когда Гарри пришел, я предъявил его маме. Мама долго смотрела на него, но как-то чудно, будто она смотрела на стенку за его спиной. Она поглядела на меня, спросила: «Это шутка?» — «Нет ма, что ты! Это Гарри». Мама еще постояла-посмотрела, и ушла на кухню. Гарри нахмурился и сказал: «Твоя мать скорее всего в сговоре с ними. Не говори ей наши тайны! Слышишь! Не говори!»

Сейчас мама опять собирается вести меня к доктору, но мы с Гарри знаем, что он никакой не психиатр, а такой же помощник инопланетян, или... Что ты говоришь Гарри? Да, да, он сам инопланетянин. Я буду молчать, не стану выдавать наши с Гарри тайны.

Гарри говорит, что скорее всего придется убить родителей. Мне жалко своих родителей, но если Гарри говорит надо, значит надо. Я доверяю только ему.

Мимо жанру

Вика Петровна

Н
Е
Б
Ю
Т

Предложения

Я не умная — я малотупая.

После того, как проживешь с мужчиной месяц, что-то больше не хочется жить с ним, и вообще больше не хочется жить.

Мой парень — далекий эволюционированный потомок плюшевого мишки. Такой же на ощупь.

Никогда не признавалась ему в этом, но иногда, когда я его обнимаю, мне хочется покататься на тракторе...

Чем хорош собственный парень. С ним можно делать все, что угодно, и тебе за это ничего не будет: щипать, кусать, целовать.

Купила своему молодому человеку комплекс витаминов «Дуавит». Я заметила — он стал жизнерадостнее, энергичнее, веселее. А когда видит меня на улице — машет мне рукой!

Эфирные масла закончились, поэтому эротический массаж любимому пришлось делать подсолнечным маслом.

Моему парню не понравился мой купальник. Он, видите ли, чересчур открытый. В купальнике всем видны мой живот и икры.

Когда твой молодой человек наконец-то заснул — отгоняй мух, ни в коем случае не тревожь его своим женским храпом и скажи, чтобы все остальные, находящиеся рядом с вами, наконец-то заткнулись!

Мальчики, простите за следующее предложение! Феминизм — это когда в автобусе воняет, а ты думаешь: “Наверно от какого-то мальчика”.

Я накричала на тебя, но тут же извинилась.

Я сказала ему “привет”. Что ему еще интересенького рассказать?

Поскорей бы наступили холода, чтобы я могла одеть свою новую классную кофточку.

Чтобы рассказ получился веселым и беззаботным, нужно работать, напрягаться, а подчас и корпеть, отшлифовывая каждое слово, не изменяя, правда, слов, которые были написаны во мгновение вдохновенно-творческих выдохов.

Аркадий Суров

Мне триста пять

Е.В.

I

Мне триста пять. И желтизна зубов,
Местами чёрным траченная, это
След табака и чая. И просвета
Мне не дожидаться, чёрных облаков

Сплошной ковёр, и я в него завернут,
И в дырочку с краёв шнурок продёрнут,
И дюжина заржавленных подков
На счастье приторочена по кругу.

Мне тесно, и не выпростаешь руку,
И не ослабишь стянутых оков.

II

Мне триста пять. Как минимум. Грехов
Я накопил достаточно. Грузила
Меня судьба и по свету носила.
Что я запомнил? Дальних берегов

Песок и очертания. И запах.
И то, как смерть зашла на мягких лапах
В один из солнцем выжженных шатров,
В глаза взглянула, двинулась по кругу.

Я помню, как свинцом сковало губы,
Но только не количество шагов.

III

Мне триста пять. Невысказанных слов
За мною нет, я всё уже растратил.
Я этот мир долбил, как ёлку дятел,
И выдолбил дупло, и мир готов

ультрамаринові небеса
слали їй цілунки щирі

Вона просто йшла і тіло її
світилось ранковим сявом
яке веселками проступало на
блідому обличчі міста

січень 2006

ще щось ворушиться під черепом мов гаддя
на скроні тисне як на гілку сніг
вири думок хмарин задух безладдя
свідомо несвідомого потік

цей образ твій лице твоє невчасне
твій потяг підвіконням білим мчить
на край землі де сонце вчора згасле
вже оком Люцперовим блищить

грудень 2005

Іній
Безпритульний сад
І дерева — босі

— Что я буду делать без тебя, если ты умрешь — говорит мне парень. Нет, есть другой вопрос. Что я буду делать без себя?

Когда женщина не находит времени поухаживать за своими руками — обрезать кутикулу, полировать ногти — руки начинают мстить хозяйке — не слушаются и роняют дорогостоящие хрупкие вещи.

Искусство обольщения: «Появляться на глаза редко, но на самых высоких шпильках и в самых коротких юбках».

Все. Больше уроков обольщения не будет. Хватит.

И в жизни такое бывает — свет побеждает тьму. И в 6 часов вечера ранней весной уже светло.

Я снова хочу, чтобы был Новый Год! И Деда Мороза хочу!

Тебя мне не за что благодарить, ведь ты еще ничего плохого пока мне не сделал.

Да я даже юбки люблю носить на мужской манер!

Лучше не приходит к девушке домой без предупреждения. Она может оказаться ненакрашенной и в порванных носках.

Какой же хороший парень мой шурин. После всего того, что я ему сделала, он поздравил меня с Днем Рождения.

Из женской консультации выходят беременные женщины.

3 (ТРИ) ВЕЩИ, КОТОРЫЕ ЖЕНЩИНА ДОЛЖНА ВЫПОЛНЯТЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ СВОЕЙ ЖИЗНИ: 1. Спасти любимого мужчину от алкоголизма. 2. Вести неустанную борьбу с избыточным весом. 3. Хранить верность самой себе.

Пишу завещание: плюшевого мишку завещаю Максиму — просто менеджеру аудио-видео аппаратуры на 13-й Линии; печатную машинку «Ятрань» — Боссу — на память обо мне; флажок с изображением китайской символики — сестре, может, пригодится, кто знает?; любимые сережки — случайному другу Паше; так, кошку... кошку, получается, не на кого оставить. Ее все терпеть не могут. Хотя... что это я? Я пока не умираю.

Чем больше влюбляюсь, тем больше мне хочется кушать от злости. Это твоя вина, любимый, что я растолстела!

Я его соблазняла, уговаривала, а он все не соглашался — ждал первой брачной ночи.

— Я такая влюбленная и счастливая! — рассказывает мне подруга. — Ничего, все скоро пройдет, — успокоила я ее.

Ко мне в комнату вошел шурин. Но-но, только без рук.

Я недоедала, чтобы ты мог пощупать мой пресс.

После той ночи я никак не могу найти зеркальце в своей сумочке и здравый рассудок.

Я нечаянно ударила локтем мужчину в маршрутке за то, что он не уступил мне место.

Если сегодня я захочу утопиться — я знаю, где это сделать. Рядом с моим домом прорвало канализацию.

Заходя в ванну я смутно розуміла, що не змогу вийти
оттуда сухою.

Да! Пусть и радиоактивный. Да, пусть и с желтизной, но,
все же, когда идет снег — это волшебство!

Увидела пару симпатичных парней у обочины дороги,
испугалась и убежала.

Дарить подарок мужчине — это лишь повод. Чтобы по-
целовать его.

Я предложила молодому человеку облизать консервную
баночку, но он отказался.

Вот черт, не повезло — я родилась женщиной! Когда то-
роплюсь — побежала бы себе тихонечко, а нет — нужно
еще накрасить губы.

Навела будильник на 3 ч ночи. Проснулась. Тихонечко
поднялась с кровати, прошла на цыпочках на кухню, ска-
зала «бу» и напугала тараканов.

Экономия — это когда покупаешь все, что тебе хочется,
не каждый день, а через день.

У моего молодого человека мало плохих качеств. Нужно
над этим поработать. Найти, взрастить и активизировать.

Трудно быть девушкой — почти каждый день хочется
плакать.

Віршована поезія

Сергій Зубець

Ще щось...

надій твоїх мурахою
я довго блукав
берегами очей твоїх
вслухався
у сумну вітру пісню
у кронах вій
щось міркував собі
тремтів
гуркотіла гроза
і — блиск зіниць твоїх
як вибух Хіросими
потому
метеликом сльози твоєї
ниць летів

грудень 2005

...просто йшла...

Вона ішла
неквапливою світанковою ходою
розмитими дощем тротуарами
переступаючи через райдугу
через квіти і погляди що їй
дарували радісно люди

ховались за газетні рядки автомобілі
трамваї поступаючись їй
напоювали срібними дзвонами вітер
перехоплювали її усмішку